

A close-up photograph of a young woman with long, wavy brown hair and a bright smile. She is wearing a light-colored collared shirt under a beige blazer. She is holding a red marker and has just finished drawing a large red heart on a glass surface. To her right, the profile of another person's face is partially visible, looking towards her. The background is softly blurred, showing what appears to be an office or public space.

Выбирай себя!

**Случайные
люди**

**НАТАЛИЯ
МИРОНИНА**

Наталия Миронина
Случайные люди
Серия «Счастливый билет.
Романы Н. Мирониной»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67837785

*Случайные люди:
ISBN 978-5-04-171436-9*

Аннотация

Александра преподает математику и любит чистоту и порядок, Аркадий пишет книги и захламляет свой дом – они такие разные, но почему-то цепляются друг за друга с первой случайной встречи на сайте знакомств. Оба уже не молоды, зато вполне свободны и могут дать волю чувствам, вот только достаточно ли одной лишь страсти для того, чтобы связь была крепкой и при этом не тяготила? Что незначительно, а что важно, чем можно пренебречь, а что никак нельзя простить? Жизнь устраивает двух взрослым, вполне успешным, финансово самостоятельным людям экзамен, которого они не ждали...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	37
Глава четвертая	53
Глава пятая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Наталия Миронина

Случайные люди

Тебе и Маше. Девочки, будьте счастливы!

© Миронина Н., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава первая

– Александра Львовна, так вы на метро? Или на автобус? – Лушников приплясывал, стараясь попасть в такт ее шагам. Архипова насмешливо покосилась.

– Женечка, вы же знаете – я хожу пешком.

– Не называйте меня так. Я вам не Женечка, – возмутился Лушников.

– А кто вы? Женечка и есть. Вы моложе меня на... Короче, моложе меня. И разница в возрасте дает мне полное право называть вас Женечкой. Но в стенах факультета вы, безусловно, Евгений Петрович.

Лушников наконец подстроился под энергичный шаг Архиповой.

– Александра Львовна, что же вы опять за свое... Вы же понимаете, о чем я... – проворчал он вроде бы шутливо, но лицо его было злым. Как только он и Архипова завернули за угол учебного корпуса и оказались на безлюдной темной аллее, Евгений Петрович резко остановился, схватил спутницу за плечи и развернул к себе.

– Ты зачем так себя ведешь?! Почему ты считаешь возможным держать меня за мальчишку?! Как переспать со мной ради прикола – так пожалуйста! А как серьезно поговорить – так отстань, отвяжись, надоед!

Архипова поморщилась:

– Жень, ты сам все придумал и страдаешь от своих фантазий.

– Ты хочешь сказать, что мне все приснилось?! Я не был у тебя в квартире, мы не пили вино, и это не я рано утром уезжал в твоём лифте с твоими же соседями?!

– Ты. Ты. Ты. И мы с тобой переспали. А вот все остальное ты придумал. Мало ли кто с кем проведет ночь! Мы совершеннолетние люди, имеем право на подобные поступки. Но очень часто они ничего не означают!

– Ах вот как! – мелодраматично воскликнул Лушников. – Не означают!

Он, все ещё обнимая Архипову за плечи, попытался прижать её к себе.

– Так нельзя, ты же все видишь и понимаешь... Это свинство!

Архипова отстранилась и жестко сказала:

– Ну-ка, дорогой, вспомни, сколько раз ты проводил с женщиной ночь, а после этого в лучшем случае ей один раз звонил?! А чаще всего и не звонил вовсе! Ты даже не придавал значения этому событию – совместной ночи. Почему я должна считать важной нашу шалость? Послушай, я уже давным-давно тебе все объяснила. Ничего у нас с тобой не получится. Не надо ходить за мной и выяснять отношения.

– Я не выясняю...

– О, ты постоянно это делаешь. И эти твои намеки при общем разговоре на кафедре, и эти твои взгляды... Люди все

видят и понимают. Не надо себя дураком выставлять!

– Я – дурак?! И я еще дурак! – воскликнул Лушников и тут же согласился. – Я дурак, да. Я просто идиот, что попался на эту твою удочку.

Архипова уставилась на него:

– Какую удочку?

– А вот эту... – Евгений Петрович вдруг скорчил рожу, изображая, видимо, Архипову. Рот его расплзся в улыбке, брови как-то нелепо сдвинулись, и получилась неприятная мина.

– А, так это я такая?! Понимаю, – произнесла Архипова с некоторой брезгливостью, – знаешь, и еще вот из-за таких выходов ты для меня – Женечка. Просто мальчик, который зло дурачится. Прощай...

Архипова ускорила шаг. Лушников устремился за ней.

– Ладно, извини... Извините... Господи, да как угодно, только не злитесь... Не злись. Ну, не хотел я... Просто очень обидно... – заговорил он.

– Не извиняйся, – откликнулась Архипова, – все нормально. Я же сказала, я ничему не придаю значения. Давай иди домой. День был сегодня сложный, а завтра еще и заседание кафедры. Чистяков коротко не умеет, завтра за полночь разойдемся.

Многословие заведующего кафедрой математики Григория Наумовича Чистякова стало уже легендой. Если от него требовался короткий ответ, он никогда его не давал, зато ри-

совал все варианты развития событий. Странно было ожидать подобного от математика, но такова была натура заведующего кафедрой. Впрочем, Архипова относилась это на счет возраста. Чистякову было почти семьдесят.

– Да, поеду... Александра Львовна, извините. Может... Может, кофейку? В хорошем месте? Как примирение и мое извинение? – Лушников так и не решался покинуть Архипову.

– Женя, по домам. Я устала. И хочу пройтись одна.

– Хорошо, до завтра... – Евгений Петрович резко повернулся и направился в сторону метро. Александра посмотрела ему вслед. «Жалко его. На что-то надеется. Ну а я что могу поделывать. Он же... Он же почти мальчишка...» – подумала она, потом накинула на голову капюшон и медленно пошла вдоль бульвара.

Александра Львовна Архипова была красивой женщиной сорока семи лет. Большие глаза, чуть смуглая кожа, аккуратный острый нос и выразительный рот. Всю эту правильность «разбавляла» прическа – на голове Архиповой всегда царил беспорядок. Ее стриженные черные волосы обычно были вздыблены – крупной волной куда-то взлетала челка, а на макушке обязательно торчали хохолки. Архипова не стремилась пригладить волосы, она вообще не обращала внимания на них. После лекций ее голова имела совсем уж лихой вид – увлекаясь, она могла окончательно растрепать свои вихры. Студенты Архипову обожали. Так дети любят красивых

взрослых – в них они чувствуют гармонию, такую редкую для этого несовершенного мира.

И все же главной во внешности Архиповой была улыбка. В ней выражалось отношение к жизни, к ее проблемам, превратностям и тому хорошему, что тоже случается. Улыбка Александры Львовны была спокойной и мудрой. Но внимательный наблюдатель разглядел бы за этим и страсть, и чувственность, и даже авантюризм. Надо сказать, там, где она работала, таких внимательных наблюдателей было двое. Евгений Петрович Лушников, который был на восемь лет моложе ее, и Григорий Наумович Чистяков, на двадцать лет старше. Общаясь с этими двумя, Архипова держала глухую оборону. Остальные мужчины кафедры и факультета даже думать не могли о каких-либо шагах. В их глазах она была слишком красива и слишком язвительна. К тому же все помнили того импозантного господина, который иногда заезжал за Архиповой. Все видели, с какой заботой, как бережно он помогает ей сесть в его огромную машину. «Куда ты лезешь – у нее все в порядке!» – сказал как-то Лушникову его друг Костя Мельников. Лушников промолчал. Он был так влюблен в Архипову, что никакие доводы, никакие очевидные факты не могли его образумить. Он продолжал поджидать ее после лекций или «случайно» ловил в близлежащем кафе.

У Архиповой действительно все было «в порядке». За плечами высшее образование, кандидатская с серьезной ма-

тематической темой, преподавание на одном из самых сложных университетских факультетов. У нее имелась взрослая дочь, которая училась в Барселоне и жила на две страны – Россию и Испанию. Архипова в свое время купила прекрасную квартиру в районе Сокол и обставила ее по своему вкусу. Нечастых гостей удивлял не только стильный интерьер, но и умение Александры «раздобыть» такие элегантные и необычные предметы: мебель, картины, безделушки. Впрочем, много места в ее доме занимали старинные семейные фотографии, документы, заботливо взятые под стекло и привлекавшие теперь внимание старинной каллиграфией. Каждый, кто попадал сюда, понимал, что родственные связи и история предков – не пустой звук для хозяйки. Особенным местом в ее доме была кухня. Большая, с круглым столом под белой скатертью, с огромной вазой, всегда полной фруктов. Вокруг стола расположились удобные мягкие стулья. Светильник висел прямо над столом, легкие занавески на большом окне раздвигали пространство. В этом помещении хотелось находиться – таким уютным, приглашающим все выглядело. Но несколько сбивала с толку медицинская чистота электрической плиты, разделочного стола и красивых медных кастрюль, развешанных по стенам.

– Давайте выпьем кофе, – всегда говорила Архипова гостям и добавляла: – Я сама не готовлю. Не люблю, да и времени нет. Но в моем холодильнике много полуфабрикатов. А еще можно заказать пиццу.

Она не кокетничала, не морочила голову. Она терпеть не могла возиться на кухне, а любое пятнышко на кастрюльной меди выбивало ее из колеи. Главной помощницей у нее была микроволновая печь, где она разогревала себе готовую еду, а вечным спасителем – тот сам благообразный господин, который заезжал за ней на работу.

Станислав Игоревич Бажин был знаком с Архиповой лет тридцать. То есть они дружили с «нежных» лет. Сначала это были соседские отношения мальчика и девочки, потом первые свидания и поцелуи, затем студенческие годы и свадьба Александры, за которой последовал срочный отъезд Стаса в далекую страну, где национальным блюдом считается фасоль в остром соусе, а украшения из бирюзы славятся на весь мир. В этой стране Станислав проработал несколько лет и по удивительному стечению обстоятельств вернулся в тот самый год, когда Архипова, забрав маленькую дочь, ушла от мужа. Развелась она быстро и без сантиментов. На все вопросы окружающих отвечала:

– Мой муж – прекрасный человек. Он отличный отец, но жить нам лучше раздельно.

Станислав, убедившись, что уже не будет яблоком раздора, занял позицию в непосредственной близости от Архиповой и ее дочери. Эти позиции касались всего – заботы о жилье, деньгах, здоровье и прочем. Архипова некоторое время понаблюдала за всем этим и вызвала Стаса на разговор.

– Стас, я не выйду за тебя замуж. Ты просто должен это

знать. Советую найти хорошую жену и устроить свою жизнь.

На что Стас спокойно ответил:

– Еще не вечер. Посмотрим. А женщину я уже нашел. Это ты.

Забегая вперед, можно сказать, что Стас так и остался при Архиповой. Несколько лет у них был роман. Страстный со стороны Бажина, спокойный со стороны Александры. Именно в те дни, наблюдая за ней, Бажин произнес:

– Тебе очень удачное имя дали твои родители. Ты именно Александра. Не Саша – Саня – Шура, а Александра. Гордая, самостоятельная, уверенная в себе. Из таких, как ты, получаются настоящие защитники.

– Ты намекаешь на греческое значение моего имени? – улыбнулась Архипова.

– Да. За тобой как за каменной стеной. И даже самый мужественный человек будет ощущать себя ребенком рядом с тобой.

– Только не ты. Я себя чувствую маленькой рядом с тобой. Ты же такой сильный, спокойный... – Архипова поцеловала Стаса.

Тот растаял, было видно, как приятно ему похвала. Архиповой стало неловко и даже стыдно – она не баловала Стаса лаской. Все, что он делал, казалось ей нормой. «Мужчине положено заботиться о женщине. Все помнить, все предугадывать, обо всем беспокоиться!» – совершенно искренне

думала она. Впрочем, это ее убеждение не мешало ей жить так, словно на этом свете она одна и на помощь ей прийти некому.

Отношения Архиповой и Стаса продолжались несколько лет. Потом он сделал ей предложение, но Александра отказалась. Она не любила его, хотя и ценила человеческие качества. Бажин был умен. Он не поинтересовался причиной отказа, немного отошел в тень, но Архипову не оставил. Александра опять вызвала его на разговор.

– Тебе надо жениться. Время идет. У меня дочь растет. А у тебя никого нет. Это нехорошо.

Бажин послушался ее. Женился на даме средних лет, прожил с ней два года, благополучно развелся и опять оказался вблизи Архиповой. Теперь уже, похоже, навсегда. Он ни на что не претендовал, но тем не менее отвоевал себе два дня в неделю, которые они проводили вместе. Театры, прогулки, рестораны, пикники, разговоры по душам, общие знакомые – в эти два дня они успевали многое. Не было только секса. Никто не задавал друг другу вопросов. Архипова догадывалась, что у Стаса бывают какие-то встречи. Мужчиной он был интересным, полным сил. Стас же, прежде чем пригласить ее куда-нибудь в эти два дня, деликатно выяснял, нет ли у нее каких-либо планов.

– Нет, на «наши» дни у меня планов быть не может! – смеялась она. Ее личная жизнь была скудной – времени мало, работы много, мужчины, которые ее окружали, интереса не

вызывали.

Эти двое нашли свой собственный формат, в котором обоим было комфортно. И, когда подруги Архиповой фыркали, она объясняла:

– Дружба вместо любви – это почти невозможно. А вот дружба после любви – отличный выход из сложного положения.

Глава вторая

Дороги, которые нас закаляют

В жизни каждого человека есть события, которые определяют всю его жизнь. Говорят, даже упавший под ноги желудь несет ценную смысловую нагрузку и может в будущем повлиять на судьбу. Так это или нет, никто наверняка не знает. Но, оглядываясь назад, люди часто произносят фразу: «Вот если бы этого не случилось...» И дальше следует вздох радости или сожаления. Мы с готовностью наделяем события особым смыслом.

В жизни Архиповой было много всего. И хорошего, и плохого. Но несколько эпизодов поменяли ее жизнь резко и бесповоротно.

Александра выросла в хорошей семье. Под словом «хорошая» подразумевается не только материальное благополучие. Семья имела бабушек и дедушек, доживших до глубокой старости и сохранивших с молодым поколением теплую связь. Благополучие заключалось и в способности ее родителей принимать неожиданные решения: например, уехать из Москвы в далекий Краснотурьинск и работать там на огромной, только что построенной электростанции. Отец и мать, люди с высшим техническим образованием, быстро продвигались по карьерной лестнице.

гались по служебной лестнице, и вот уже за отцом приезжает черная машина, а маленькую Александру в музыкальную школу отводит няня. Материальное благополучие в этом доме выражалось не в спецпайке или закрытых распродажах. Вернее, не только в этом. В доме были прекрасный рояль, красивая мебель, картины и дорогая посуда. Жизнь здесь кипела трудовая, иногда без выходных, но и быт был красивым, достойным. В будущем Александра многое переняла из тех дней. Особенно она полюбила фразу матери: «Порядок освобождает мысль». И в свою взрослую жизнь Архипова из тех времен взяла эту заповедь – у нее никогда не было хлама.

Александра, возвращаясь памятью к тем дням в Краснотурьинске, обычно вспоминала мелочи. Как отец принес в школу котенка в кармане и подарил изумленной учительнице. Как она в старших классах решила подработать и играла перед сеансами в центральном кинотеатре города. Ее знали все – она была дочь главного инженера электростанции, и потому уже на второй день родители могли оценить предприимчивость дочери. Мама поджала губы, что было большим наказанием. Отец только хмыкнул. Еще она помнила томатный сок за десять копеек и докторскую колбасу на серо-белом хлебе. Этим можно было угоститься в гастрономе напротив школы. Что она и делала, сбегая с уроков. Ее жизнь была интересна – родители, любившие музыку и театр, общались к этому дочь. Ее жизнь была беспечна, красива и полна детских и юношеских радостей. Все это оборвалось в

самом конце школы. Архипова перешла в восьмой класс, когда отец объявил о разводе.

С одной стороны, Александра была уже достаточно взрослой и кое-что замечала. Между родителями что-то давно нарушилось. Но ей и в голову не могло прийти, что случится разрыв. Впрочем, их решение было сущей ерундой по сравнению с тем, что происходило потом. Отец, собиравшийся опять жениться, принялся делить имущество. По меткому замечанию Александры, дележ был «справедливым» – им с матерью достались все вилки. Все гнутые и поломанные вилки. Александра была потрясена жадностью и непорядочностью отца. В один из тех дней мама ей сказала:

– Квартиру будем разменивать. Либо двухкомнатная в Краснотурьинске, либо крошечная однушка в Москве.

Александра махнула рукой:

– Мама, мне уже все равно!

– Тогда мы уезжаем в Москву, – сказала мать.

И много лет спустя Архипова поняла это решение. Она оценила не только практичность его, но и смелость. В достаточно зрелом возрасте ее мама осталась без всего – без мужа, работы, жилья. Но она готова была начать все заново в большом городе, где у ее дочери могло быть больше возможностей. А ведь так легко было остаться в пресловутой «зоне комфорта». Почти родной город, высокооплачиваемая работа, соседи, друзья, наконец, хорошая немаленькая квартира. Но она поступила иначе. И много позже, когда Архипова по-

лучала очередной диплом или грамоту за свои работы, она думала о маме. «А смогла бы я всего этого добиться, если бы мама осталась в Краснотурьинске?!» – думала она.

Сам переезд был ужасен, и в доме его никогда потом не вспоминали. Они улетали на самолете, вещей было всего два чемодана. А когда переступили порог московской квартиры, охнули в один голос. Однушка была в старом блочном доме, с четырехметровой кухней, сидячей ванной и комнатой пятнадцать метров. В прихожей два человека не могли разойтись. Но главным было состояние квартиры – внешне вроде порядок, и при этом она казалась совершенно разбомбленной. Замене подлежало все: сантехника, раковина на кухне, шербатый паркет.

– Ну, – не моргнув глазом произнесла Александра, – площадь небольшая, денег на ремонт понадобится немного.

Она что угодно отдала бы, чтобы не видеть тогда лицо мамы. Если до сих пор главными преступлениями отца были измена и жадность, то сейчас выяснилось, что он врал, обещая им «маленькую, но уютную квартиру». Глядя на их новое жилье, они обе вспомнили, как он торопил их с переездом.

– Не задерживайтесь. В Москве ждать не будут, квартира хорошая. В прекрасном состоянии.

Ни мать, ни Александра не могли до конца поверить в низость отца. А тот сэкономил на своих близких. Много позже мама скажет Александре:

– Знаешь, ему и в голову не приходит, что мы еще можем ему понадобиться. Он не думает о будущем...

– А у него нет будущего, – жестко ответила Александра. Отец был вычеркнут из ее жизни. И причиной тому стала не утрата благосостояния, а предательство.

Если иллюзии у Александры и имелись, то рассеялись они мгновенно. Ее жизнь поменялась так круто, что даже в книжках про такое читается с недоверием. В краснотурьинской школе Александра училась хорошо. Вернее, у нее были пятерки по алгебре, геометрии и физике. Далее шел резкий перепад. По геометрии – твердая четверка, а по остальным предметам оценки ей безбожно завышали, дабы не погубить будущего талантливого математика. Или талантливую пианистку. Дело в том, что с шести лет Архипова училась музыке. В местной музыкальной школе она быстро стала звездой, принимала участие во всех конкурсах, даже ездила в Москву и заняла второе место по классу фортепиано среди своих сверстников. Музыку она любила точно так же, как и математику. И в этой странной привязанности к науке и искусству одновременно заключалось своеобразие ее характера. Она любила точность, при этом и романтизм ей был не чужд. Ее поступки были продиктованы разумом, но она запросто могла пойти на поводу у эмоций. Развод родителей пришелся на окончание седьмого класса, и в Москву она приехала, чтобы отучиться в школе и принять решение, куда поступать.

Нарушение жизненного уклада и предательство близкого

человека может сломить даже взрослого человека. Что говорить о девочке-подростке! Пока мать устроилась на работу, деньги, полученные на прежнем месте в Краснотурьинске, растаяли. И то сказать, их хватило надолго. На прежнем месте мать знали, как и ее мужа, и весь небольшой город был в курсе их развода. К ней относились хорошо и всеми правдами и неправдами выплатили премию, большие отпускные, насчитали все сверхурочные. Люди отлично понимали ее ситуацию. Но какая бы сумма ни была, устройство на новом месте требовало немалых средств. У них имелся минимум посуды, одежды, постельного белья. Александра ходила в новую школу, но делала это как-то автоматически. Все ее мысли были в будущем. На сверстников она смотрела как на школяров, которым бы только тусоваться. Ей же надо было самостоятельно решить главную проблему – куда поступать. Про музыку она забыла. «Сейчас не время!» – ответила она матери, когда та предложила взять инструмент напрокат. Была такая услуга, которая пользовалась большой популярностью. Александра понимала, что дело не во времени, а в том, что, во-первых, пианино займет все пространство их крошечной квартиры, а во-вторых, лишних денег не было, чтобы за прокат платить. Но самое главное, музыка теперь ей казалось чем-то далеким и совершенно бесперспективным. Впрочем, первый заработок ей принес цикл детских пьес Петра Ильича Чайковского. Родители одноклассницы попросили ее позаниматься с их младшей дочерью.

– Пять рублей, – не моргнув глазом объявила Архипова.

– Пять рублей! – охнули те. В восьмидесятые годы это были вполне приличные деньги.

– Так с вашей дочерью будет заниматься лауреат и победитель конкурсов. Свои грамоты и дипломы принесу на первое занятие.

Удивительно, но родители одноклассницы согласились, хотя цена была такой, какую брали профессиональные педагоги. Но то ли Архипова произвела впечатление, то ли не надо было родителям подстраиваться к приходу по времени, то ли еще что-то, но они согласились. Александра в итоге заработала не пять рублей, а одиннадцать.

– За первое занятие я взяла пять, поскольку не знала, что за ученица. Есть такие, с которыми все нервы измотаешь, – веско сказала она и добавила: – Ваша дочь хорошо играет и выучит все в срок. Нужно будет еще два дня. По три рубля за занятие.

Родители, не торгуясь, выложили деньги. Когда об этом узнала мама, она пришла в неопиcуемый ужас. И помчалась уже отдавать назад заработанное, но Александра произнесла:

– Мама, а когда я заработаю свою первую зарплату, ты ее отдашь моему начальнику?

Та растерялась:

– Но это же сестра твоей одноклассницы...

– Но это же работа... – возразила дочь, – честная, добросовестная. Я теперь знаю, что смогу быть репетитором.

И, пользуясь моментом, сказала:

– Мама, я пойду в вечерний институт и устроюсь на работу. Давай даже не спорить на эту тему. Никаких дневных вузов.

Мать так растерялась, что ничего не ответила. Александра же вздохнула с облегчением – самое главное она сказала.

Все случилось так, как она планировала. Получив аттестат, Архипова пошла работать в вычислительный центр одного из НИИ, который располагался рядом с домом. Устроилась легко. Начальнику понравилась ее уверенность, и он задал пару вопросов из курса алгебры. Архипова ответила все правильно и добавила то, что вычитала в одном из журналов.

– Вы увлекались математикой. Я вижу у вас отличные оценки по этим предметам. Зачем вы пришли к нам? Ведь работа здесь примитивная, почти секретарская.

– Я буду поступать на вечерний. И мне нужно работать.

– Да вы с ума сошли! С вашими-то способностями... Меня не обманешь. Я столько тут повидал, – покачал головой начальник.

Архипова заглянула в бумажку, где записала его имя.

– Вячеслав Михайлович, позже. Немного позже. Пока нам с мамой надо на ноги встать.

Начальник внимательно посмотрел на Александру.

– Понимаю, но имей в виду, что жизнь затягивает. Мелкие дела занимают много времени и отвлекают от главного. Поэтому...

– Я знаю, но выхода у меня пока нет. Вы берете меня?

– Да, иди в отдел кадров.

Вячеслав Михайлович Дробыш вздохнул и отдал Архиповой подписанную бумагу.

Нельзя сказать, что поступление на работу ознаменовало начало взрослой жизни. Архипова стала взрослой раньше, в момент развода родителей. Еще не получив аттестата, она четко понимала свои цели и задачи, а также то, что ответственность за их маленькую семью лежит и на ней. Поэтому решения она принимала спокойно, без излишней торопливости.

На вечерний она поступила легко – в тот год популярностью пользовались гуманитарные вузы. Конкурс в технические был невелик. К тому же Архипова сдала все на «отлично». Вячеслав Михайлович Дробыш зашел ее лично поздравить с событием, а еще через несколько месяцев вызвал к себе.

– У нас освобождается место в одном отделе. Я тебе предлагаю перейти туда. Вполне справишься. И денег больше, и сможешь перевестись на дневной.

– Это как же? – удивилась Александра.

– Будешь приходить три раза в неделю после обеда. Сама сообразишь, как это устроить.

Много раз потом Архипова вспоминала Дробыша, этого

спокойного, неприветливого на первый взгляд человека. То, что он ей тогда помог, сыграло чуть ли не главную роль в ее дальнейшей жизни. Во-первых, она действительно перевелась на дневной, и не в своем вузе, а в физико-техническом. Пришлось сдать пару экзаменов. Архипова похудела за это время на несколько килограммов, но справилась. В физико-техническом было немного девушек, но те, которые там учились, пришлись ей по душе. Умные, самостоятельные, они не сбивались в галочки стаи с целью охмурить однокурсников. Нет, конечно, случались романы, но у физиков и математиков выглядело это как-то солидно. Распорядок жизни тоже поменялся – Архиповой дали место в общежитии. Студенческий городок в ближайшем Подмосковье имел несколько корпусов, и жили в них в комнатах по двое. Теперь Архипова приезжала в Москву только в те дни, когда работала в институте. Остальное время она проводила в Долгопрудном. Мама по этому поводу переживала, но Александра была непреклонна.

– Мне так удобнее, мы с тобой видимся в те дни, когда я работаю.

Александра специально так поступала. Во-первых, она хотела, чтобы мама была свободна от домашних хлопот, во-вторых, надеялась, что у матери появится личная жизнь. «Она молодая женщина, у нее должны быть знакомые, даже в гости пригласить на чай надо иметь возможность», – думала она. Потихоньку они обустроили свою крохотную квартиру

– в ней стало уютно и красиво. Архипова помалкивала, когда они вешали новые занавески или красили оконные рамы. Но в голове у нее был план, который она собиралась претворить в жизнь любой ценой. Ее целью была большая просторная квартира в хорошем районе Москвы. Даже сейчас, когда у нее имелись стипендия и небольшая зарплата, она ставила перед собой грандиозные задачи.

Учеба в серьезном и уважаемом вузе дорогого стоила. Окружение держало в тонусе – рядом были талантливые ребята из математических интернатов, одаренные школьники, получившие аттестаты на два года раньше сверстников. Были просто способные трудяги. Все вместе они составляли костяк курса. Архипова без труда влилась в это сообщество – она была талантлива и без труда завоевала место под солнцем. Очень скоро ее стали признавать не только однокурсники, но и преподаватели. Как-то ее вызвали в деканат и предложили поучаствовать в межвузовском конкурсе. Она согласилась, даже не думая. В этот период она вообще бралась за все, что предлагали, и за все, что сама находила. Ей важно было наработать багаж не только знаний, но и знакомств, связей. Она полюбила повторять пословицу «Скажи, кто твой одноклассник, и я скажу, кто ты». Нет, она не собиралась паразитировать на связях, но прекрасно понимала, что общение может принести ту информацию, которая окажется полезной.

Собственно, так и случилось. Один из ее однокурсников позвал ее преподавать. И, хотя сначала она читала лишь пару лекций в неделю, Архипова поняла, что поднялась еще на одну ступень. Дело было не в престижности вуза, а в том, что она приобрела еще один полезный навык.

Впрочем, времена потом наступили суровые, и Архипова совершенно спокойно сочетала преподавание, научную работу и подработку в овощной палатке. Мама темнела лицом, когда видела, как устает дочь, но та упрямо шла к своей цели. А той, как уже говорилось, была собственная большая квартира.

В жизни каждой женщины бывают моменты, когда она отдается «воле волн». Иногда это происходит из-за чувства, которое ее охватывает, иногда от усталости, иногда – от желания убежать от реальности. Наверное, с ней случилось именно это. Человек, которого она встретила, имел достойную военную профессию и был всем хорош – красив, умен, а главное, легок на подъем. Александре, всегда мобильной и энергичной, последние годы жизни казались чем-то тягучим. Она, скованная по рукам и ногам обязательствами и долгом, не могла ни на мгновение отвлечься от бытовой и рабочей карусели. А силы были уже на исходе, и терпения оставалось очень мало, и радость от побед почти не ощущалась, именно в этот момент она познакомилась с бравым морским офицером, который увез ее во Владивосток. Ее свадьба и последо-

вавший за ней отъезд потом напоминали ей фантазмагорию. Так все было неожиданно. Ей сделали предложение на третью встречу, в четвертый его приезд они расписались и уехали. Архипова смотрела на маму и не понимала, как же расценивать этот свой поступок — испытывать вину, что оставляет мать в Москве, или радоваться, что та обретет некоторую свободу и возможность пожить своей жизнью.

Там, куда уехала Александра, оказалось красиво. И люди там были смелые, спокойные, готовые ко всему. Александра научилась готовить поросенка с гречневой кашей — обязательная традиция встречи возвращающихся из похода. Она разделяла хлопоты с соседками, такими же офицерскими женами. Она накрывала огромные столы, варила борщ на всех подчиненных мужа. Она влилась в эту жизнь и стала счастлива — рядом был любимый человек. А еще она любила этот край. Ей казалось, что ничего богаче и краше в этом мире нет.

Долгожданную дочку она рожала в Москве, но почти сразу увезла ее назад, на Дальний Восток. Отец пришел из очередного похода и увидел не младенца, а симпатичную глазастую девицу, которая с силой дернула его за нос.

Развелись они так же стремительно, как и поженились. Причину Архипова никому не говорила, окружающие даже не пытались допытываться, зная ее характер. Все только строили догадки. Но когда подросла дочь, Архипова не

только внушила ей, что отец – достойный человек, который ее очень любит, но и объяснила, что взрослые люди иногда не могут договориться о том, что имеют право делать, а что – нет. Только Стас Бажин, вернувшийся из своей дальней командировки, узнал правду. Александра рассказала ему о тайном романе мужа. Когда же правда открылась, она собралась в Москву в двадцать четыре часа. Недаром прожила с военным несколько лет.

Да, действительно, причина расставания была банальной. Необычным стало то, что встреча с любовницей мужа произошла без скандалов, а потом женщины поддерживали не дружеские, но ровные отношения – их дочери, сестры по отцу, в дальнейшем стали близкими людьми. Жизнь совершила крутой поворот, а эти две умные женщины драму превратили сначала в фарс, а потом в веселую историю про то, как влюбились в красивого и мужественного моряка. Сам моряк, муж и любовник, долго не мог поверить, что его в одночасье бросила любовница, а жена, собрав стремительно вещи, вылетела в Москву, где и подала документы на развод. Никакие переговоры ни с той, ни с другой ни к чему не привели.

Отдельной и очень занимательной была история разоблачения неверного. Как-то вернувшись из командировки и открыв дверь квартиры, он увидел жену.

– Тсс, тихо! – она прижала палец к губам.

– Зайка спит? – осведомился муж, имея в виду дочь.

– Ага, – ответила жена.

Они тихо поужинали, обменялись новостями, хотели было включить телевизор, как из другой комнаты вышла любовница. В халатике и с заспанными глазами.

– Ты?! – изумился муж.

– Я, – просто ответила любовница.

– Она, – подтвердила жена.

– Как?! – изумился он.

– Самолетом, – просто ответила любовница.

– Ну да, самолетом, – подтвердила жена.

– А почему у нас?

– А где ж ей еще останавливаться, как не у родных людей? – изумилась жена.

Муж потребовал водки.

– У нас еще осталось? – осведомилась любовница.

– Да, налей ему, пожалуйста, – попросила жена.

После того как он выпил, они ему рассказали, как любовница приехала по его же приглашению, будучи уверенной, что делает ему приятный сюрприз.

– Ты же меня приглашал. Адрес, конечно, точный не оставил. Но в общих чертах рассказал. А тут уж добрые люди мне подсказали, где ты живешь. Знаешь, такие у вас улыбчивые и участливые соседи. Все объяснили, все показали, только что до дверей не проводили и про жену с ребенком не рассказали.

– У нас да... люди... – рассеянно сказал муж. Он пред-

ставил, какими веселыми сплетнями сейчас кишит военный городок.

– Да, люди хорошие и отзывчивые, – вступила в разговор Архипова, – если что – они помогут. Ну, там борщ сварить, котлеты пожарить, постирать...

– Это как? – не понял муж.

– А я улетаю. С дочерью. Даже вещички наши собрала. – Архипова развела руками.

Муж подумал, что, если она уедет, он сойдет с ума.

– И я. Тоже улетаю. У нас билеты на один день. Почти в одно и то же время, – добавила любовница и лучезарно улыбнулась.

Муж подумал, что она все же очень красивая.

– А я? – растерялся он.

– А мы не знаем, как ты... – произнесли в один голос женщины.

Муж ночевал у сослуживца, женщины остаток ночи провели в сборах. Вечером следующего дня они выехали в аэропорт.

За те два дня, которые жена и любовница провели вместе, они помогли другу другу понять, что шансов ни у той, ни у другой нет.

– Знаешь, – сказала Архипова любовнице своего мужа, – мы даже не можем быть уверены, что нет третьей.

– Или четвертой... – вздохнула та.

Жизнь в Москве была настолько непростой, что Архипова не успевала переживать по поводу развода. Уйдя от мужа, она начинала с нуля – работа, детский сад, мама, которая стала часто болеть. И была главная проблема их жизни – жилье. В той самой, по словам отца, «хорошей и удобной квартире» разместиться троим оказалось невозможно. Архипова спала на раскладушке, которая еле-еле помещалась на кухне, ее маленькая дочь с мамой – на диване в единственной комнате. Была проблема со стиральной машиной, которую оказалось негде поставить, с письменным столом, который вскоре понадобился подростковой дочери. Одежду они хранили в коробках или развешивали на спинках трех стульев. Всех проблем этой квартирки было не сосчитать. Иногда, когда мама и дочь засыпали, Александра вертелась без сна, пытаясь придумать, как выйти из положения и решить проблему с жильем. Конечно, она могла обратиться к Стасу Бажину, который вернулся из командировки. По-прежнему в нее влюбленный, он был готов в любую минуту прийти на помощь. Но Архипова – честная и принципиальная – не хотела обращаться к человеку, который ее, несмотря ни на что, любил, но которому она не могла ответить взаимностью. Александра ломала голову, иногда плакала. Наутро она вставала с больной головой, бежала читать лекции, принимать

«хвосты», заседать на кафедре. И слушая долгие выступления коллег, опять же возвращалась мыслями к их малюсенькой квартирке. Однажды, выйдя поздно вечером после работы, она почувствовала голод. Ехать было долго, и она купила в палатке блины с сыром. Пока умелая тетка разливала на толстых кругах тесто, Архипова разглядывала белые ведерки с начинкой. «Ну, сыра здесь примерно процентов сорок. Остальное – дешевый майонез. Лук, зелень. А стоит это дело недорого, но и не копейки. Сытно, жирно и горячо», – думала Архипова.

– А вы хозяйка павильона? – спросила она тетку.

– Ага, в аренду взяли. Или как это называется...

– Франшиза, – подсказала Александра.

– Вот именно.

– И как?

– Нормально. Долг за машину отдала. Работаю полгода, – весело ответила тетка, передавая Архиповой горячий блин в фольге. Впрочем, она тут же спохватилась: – Ну, дни разные бывают, а еще проверяющие... и вообще. Короче, тяжелое это дело...

– Я понимаю, – ответила Архипова и чуть не захлебнулась слюной. Блин был ароматный.

Ночью она пила лекарство от изжоги и строила планы, потом долго стучала по клавишам калькулятора. Через две недели она в соответствующем учреждении оформила документы, взяла в аренду палатку и стала торговать сосисками,

сардельками и колбасой. Товар брала через отделы оптовых продаж московских мясокомбинатов.

В доме к этому отнеслись несколько настороженно – мама все еще вспоминала, что дочь должна была стать пианисткой.

– А как же преподавание? – робко спросила она.

– А что с ним не так? – пожала плечами Александра. – Три дня в неделю преподаю, остальное время торгую.

– Ох, – только и сказала мама.

– Все нормально, – весело ответила Архипова и впервые за долгое время ночь, проведенная на раскладушке в кухне-ке, была безмятежной.

Дело у нее пошло. Правда, сначала она являлась на работу одетой кокетливо – хозяйюшка такая колбас и шпикачек. Но к концу дня она дико замерзала, у нее коченели ноги, и очень быстро Архипова перестала отличаться от других розовощеких торговек – шапка на глаза, пуховик со следами жира на животе, поверх которого она иногда натягивала голубой нейлоновый халат. На ногах зимние сапоги-дутики.

– Знаешь, это хорошо, что можно так одеваться. Плохо, что ты мерзнешь, но хорошо, что можно кутаться так.

– Ну да... – с недоумением отвечала Архипова.

– ...Тебя никто не узнает в такой одежде... – стесняясь, пояснила мама.

Архипова расхохоталась:

– Мама, меня это вообще не заботит.

Но, если мама тихо переживала, понимая, что перечить

дочери нельзя, то Стас Бажин, появившийся у ее палатки к концу рабочего дня на шикарном «Мерседесе» и с огромным букетом, был сломлен.

– Тебе зачем это надо? – в ужасе спросил он, указывая на ее облезший маникюр.

– А? Так завтра на работу, я успею накрасить ногти.

Бажин помялся, потом спросил:

– Слушай, чего ты хочешь? Что тебе нужно? Давай я сделаю. Иди читай лекции, играй на рояле, учи детей! Или вообще ничего не делай!!! Только уйди с этого холода, из этой грязи...

– Стас, здесь чисто. И колбасу покупают не только в магазинах. Вот смотри, метро – это значит, что женщины усталые выйдут из него и должны еще куда-то заходить. А тут я! У меня все есть для ужина, завтрака, обеда. Это ж экономия сил. И у меня недорого. Я честно взвешиваю.

Последнее было правдой. Рядом имелся еще один киоск. Там торговали молочными продуктами и колбасой. К Александре стояла очередь, к соседям – пара человек.

– Почему так? – спросил Бажин.

– А я с походом взвешиваю. Чуть-чуть, десять-двадцать граммов. Мне это не в убыток. А покупателю приятно и доверие вызывает.

Архипова в таком режиме проработала два года. Потом заняла у знакомой недостающую сумму и купила ту самую квартиру на Соколе. Во всех историях в этом месте следуют

слезы умиления, усталости и торжества. Только это было не про Александру Архипову. Она и радость пережила спокойно, по-деловому. Просто поставила перед собой еще одну задачу – дать дочери хорошее образование.

Правда, потом, много лет спустя, она хвалила себя не только за то, что не побоялась этой адской нагрузки, но и за то, что не привередничала, не тянула с выбором жилья. Ее маме довелось прожить в новой квартире совсем немного, недолго была у нее долгожданная отдельная комната с удобной мебелью, любимыми книгами.

И то время наступившего покоя и заслуженного благополучия Александра помнила всегда.

Жизнь в собственной квартире, выбранной и обустроенной по своему вкусу, среди дорогих сердцу семейных вещей наполняла ее силой. Теперь, когда ей не спалось, она прислушивалась к тишине в соседних комнатах, размышляла о дочери, маме, о том, что же ее ждет дальше. Иногда она думала о бывшем муже. Но эти мысли были, скорее, «машинальными». Так вспоминают ничем не примечательную улицу, по которой когда-то ходил, но название так и не запомнил. Она сама удивлялась этому – их брак начинался страстью, потрясающим сексом, желанием не расставаться. Закончился он... «А закончился он замечательной дочерью! Не скандалом, не изменами, не враньем и странной ситуацией с приехавшей любовницей! Он закончился замечательной до-

черью!» — как-то подумала Архипова, и этой части жизни навсегда было отведено соответствующее место в ее душе.

Дальше ее жизнь потекла в обычных хлопотах. Рядом был Стас Бажин. Она знакомилась с мужчинами, за ней пытались ухаживать пылко, с размахом, даже делали предложение руки и сердца. Но Архипова не торопилась. Она иногда вступала в отношения, но сразу предупреждала, что свобода для нее важнее всего. Мужчины настаивали, не понимая, что же все-таки движет этой красивой и чувственной женщиной. А она не хотела им объяснять, что, пока не вырастит дочь, мужчины в ее доме не будет. Не станет она, Александра, идти на неизбежные компромиссы и выбирать между ребенком и мужчиной. А этот выбор встает всегда.

Глава третья

Морковкин

Писатель Аркадий Морковкин давал интервью. Они с корреспондентом, молодым человеком в подвернутых штанишках, сидели в одном из дорогих столичных баров. Вокруг них вертелся оператор. Выставили правильный свет, посетителей в эту часть бара не пускали. Кругом была кожа диванов, темное дерево и золотистый свет круглых плафонов. Корреспондент чувствовал себя не очень комфортно – его мучила мысль о том, кто будет платить за кофе, минеральную воду и маленькое шоколадное пирожное, которое стояло перед писателем. Морковкин выглядел уверенным, жесты его были плавными, речь барской.

– Сереженька, свари еще кофе! – обратился он к парню за стойкой.

– А может, пива, Аркадий Васильевич? Отличное пиво... – на правах давнего знакомого откликнулся тот.

При слове «пиво» корреспондент заерзал. Морковкин улыбнулся:

– Сережа – бог по части кофе. Он умеет специи добавлять. Как надо. Чтобы вкус не грубел, а имел оттенки.

Корреспондент кивнул уважительно, а про себя отметил: «Заядлый кофеман. У писателей это профессиональный на-

питок. По ночам пишут, когда вдохновение приходит... Надо будет это как-то упомянуть...»

Когда на столике появилась вторая чашка кофе, корреспондент кивнул оператору:

– Аркадий Васильевич, мы встречаемся с вами, когда выходит в свет ваша новая книга. Хочется поздравить вас, но, с другой стороны, вы автор не одного, даже не двух романов...

«А целых трех!» – саркастически подумал про себя Морковкин. Вслух же он произнес:

– Спасибо. Поздравлять надо. Во-первых, это очень приятно. А во-вторых, труд автора очень тяжел. Он изматывает, лишает жизненных соков... Все отдаешь этим чувствам, этим мыслям, этим переживаниям. Все отдаешь этим бумажным листам... Они дороги каждому творцу. Нет, я не буду опускаться до пошлости и называть книгу ребенком. Эти вещи сравнивать нельзя. Но книга похожа на женщину – ты ее любил, боготворил. Она тебя злила, очаровывала, возбуждала, но ты овладел ею. А теперь она уходит. Уходит, чтобы навсегда остаться с тобой...

– Какое смелое сравнение! – воскликнул корреспондент и переменял позу. Он в своих подвернутых штанишках все время съезжал с кожаного дивана.

– Ну, не такое смелое... Верное, да! – снисходительно кивнул Морковкин. Он тоже переменял позу. Его вид излучал энергию. Ему надо было показать, что разговор о творчестве безумно интересен и ему есть что сказать новому поколе-

нию.

– И вы знаете, каждый раз, когда я отдаю рукопись в издательство, у меня болит сердце... – Морковкин добавил голосу тепла и мягкости.

– Как интересно... И ведь никто из нас, кому недоступна роскошь творчества, даже не догадывается о том, что происходит с писателем, – глубокомысленно заметил корреспондент и добавил: – Аркадий Васильевич, а я начал читать ваш роман...

– И что же? – чуть подпрыгнул Морковкин.

– Э... Ну, я должен сказать, что очень, очень... .. но есть один момент...

– Какой же?!

– У вас сложная, тяжелая история. Но вы сумели ее рассказать красиво. Даже в самых неприглядных ситуациях сквозит щемящая первозданная красота. Помните, как героиня вызывает у себя рвоту, чтобы разжалобить любовника? Показать ему, что серьезно больна?

– Как же, как же... – энергично закивал Морковкин, а сам подумал: «Что же ты, дурашка, нашел в этой идиотской сцене?! Да еще первозданного?! Эту сцену убрать надо было, убрать!»

– ... Там красота уродливого поступка. Это красота наизнанку...

– О, вы думающий читатель, – важно покивал головой Морковкин, – побольше бы таких...

– А нам бы таких писателей, которые эстеты в высоком смысле слова. И вообще, у вас талант видеть красоту, ощущать ее, использовать ее. Простите, даже то, как вы одеты! Это вкус, элегантность. У вас талант многогранный, и красота для вас – органичное состояние.

«Нормально парень вывернул. Надо развить идею. Я певец красоты жизни. А в ней нет уродства. Это люди придумали... – быстро соображал Морковкин, – парень льстит, да ладно. Главное, у канала рейтинг высокий. А реклама не помешает».

Аркадий Морковкин благостно улыбнулся. Сейчас он стал похож на колобка, которого нарядили в дорогой кэжуал. Морковкин продумал свой образ до мелочей – дорогой твидовый пиджак, бархатом лоснящиеся коричневые вельветовые брюки, тонкий джемпер цвета кофе. На голове непременно кепка. Дорогая, с пуговицей на макушке. Очки писатель носил необычные – одно стекло в круглой оправе, второе – в квадратной. Впервые увидев такое, человек сначала не понимал, в чем дело – так люди привыкли, что стекла одинаковые. Готовясь к интервью, Морковкин обычно клал в нагрудный карман дорогую сигару. Доставал он ее где-то на середине беседы, нюхал, начинал вертеть в руках. Когда за ним пытались поухаживать и протягивали огонь, он мрачнел:

– Что вы! Мне врачи запретили. Временно... Пока я могу только так наслаждаться. Ароматом...

На самом деле никто и никогда не видел Морковкина курящим, но молва, что писатель предпочитает дорогие сигары, ходила.

Корреспондент и писатель еще немного поговорили и стали прощаться.

– Так когда ждать? Когда эфир будет?

– Постараемся побыстрее. Я дам вам знать. Напишу в WhatsApp.

– Ок! – бросил Морковкин и выкарабкался из глубокого кресла. Когда он встал на ноги, стал очевиден его рост – совсем небольшой. Фигура Аркадия имела округлости – животик, бока, попа. И все это венчала кепка с пуговичкой на макушке. «Надо купить себе трубку, – подумал Морковкин, расплачиваясь за угощение, – трубка – это солидно и отвлекает на себя внимание».

Аркадий первым покинул бар. Корреспондент и оператор задержались.

– Ты мне скажи, почему он фамилию не сменит? Писатель все-таки! На псевдоним имеет полное право! А то – Морковкин, – фыркнул оператор.

– Да кто его знает, – пожал плечами корреспондент и тут же пожалел, что не задал этот вопрос. «Черт, это придало бы пикантности беседе», – вздохнул он про себя.

Аркадию Васильевичу Морковкину – писателю, драматургу, актеру, деятелю культуры – никогда не мешала его смешная фамилия. Он нес ее с гордостью, как и непоколебимое убеждение, что его вклад в современное искусство весьма значителен. Эта уверенность в себе имела детские корни. Когда в школе маленького Аркадия дразнили «морковкой», его мама сказала:

– Их много, а ты один. Понимаешь, у вас в школе по меньшей мере четыре Серегиных, а Морковкин на всю школу единственный. Кстати, это касается не только фамилии, но и твоих способностей.

Мама воспитывала Аркашу строго и имела на него огромное влияние. Поэтому с младых ногтей Морковкин знал, что он исключительный.

История жизни Аркадия была вполне безоблачной. Школа, институт. Не тот, куда хотелось, но тоже неплохой. С поступлением был связан еще один эпизод. На исторический факультет Аркадий не прошел. Он срезался на первом же экзамене – подготовился плохо, да и экзаменатор попался въедливый. Ситуация была острой – грозила армия, куда Морковкину не хотелось. А мама даже и представить не могла такого развития событий. Сына за проваленный экзамен она не отругала, а только посочувствовала:

– А что удивляться, там все по знакомству. Знаешь, скольких надо пристроить. Это мы с тобой бедные и беспомощные.

Мама Морковкина лукавила – связи у нее были, и она не преминула ими воспользоваться. В разговоре с нужными подругами мама Морковкина, понизив голос, поясняла:

– Ты же понимаешь, мальчик умный, способный. Но таких и не любят... Они же конкуренты всем бездарностям.

Аркадий удачно поступил в педагогический, но с тех пор во всех своих воспоминаниях многозначительно говорил: «Да, я учился в ту эпоху, когда мог быть запрет на профессию! Я попал в эти жернова». Какие такие «жернова» его перемололи, Аркадий не уточнял. Но эта фраза всегда производила впечатление. Особенно на молодых слушателей его литературного курса. Им казалось, что в те далекие 70–80-е годы «охота на ведьм» была делом обычным.

После педагогического Аркадий год проработал в школе. Этого опыта ему хватило сполна.

– Мальчик свалится с инфарктом. Надо менять место работы, – сказала мама. Она настояла, чтобы Аркадий «побыл дома». Длинный больничный с безобидным, но звучным диагнозом обеспечила мамина подруга, заведующая поликлиникой. Именно в этот период Аркадий написал свой первый рассказ. Мама, прочитав его, произнесла:

– Ну, что ж, у тебя талант. Это без вопросов. Только этим на хлеб не зарабатываешь. Я нашла одну контору. Через знако-

мых. Там требуется что-то типа секретаря. Но с перспективой роста. Занимаются какими-то литературными индексами. Подчиняются Книжной палате...

Если до этого Аркадий слушал невнимательно, то при упоминании Книжной палаты он оживился:

– Я согласен, мама. Я пойду туда работать.

Морковкин уже приблизительно понимал расстановку сил – близость к любому издательству сулила перспективы.

Суровые девяностые грянули, когда Морковкин был заведующим отделом. К этому времени его печатали в молодежных журналах, его сценарий вошел в сборник произведений молодых сценаристов, он удостоился премии за лучший рассказ о советских студентах. Мама собирала вырезки с его работами. Окружающие признавали его талант.

Талант был. Это было очевидно не только маме, близким друзьям и девушкам, которые роем вились вокруг Морковкина. С этим соглашались недоброжелатели, соперники, откровенные враги. Талант признал маститый писатель, с которым Морковкина столкнул случай. Морковкин пришел в издательство получить гонорар и увидел знакомое лицо. Ни минуты не раздумывая, он кинулся к человеку:

– Простите, я понимаю, что не самое подходящее место – касса издательства, но где еще я бы вас встретил! – воскликнул он.

Простота обращения подкупила маститого писателя.

– Вы бы могли прийти на мою творческую встречу, – ска-

зал он, но все же улыбнулся.

– Да, верно, но я работаю, учусь на курсах и... у меня старенькая мама...

«Старенькая мама» окончательно растопила сердце советского классика.

– А вы сами что здесь делаете?

– Вот, гонорар, – смутился Морковкин.

– О, вы печатаетесь?

В двух словах Морковкин умудрился рассказать свою творческую биографию.

– Так вы тот самый, который про стройотряд написал? Там еще девушку пытались изнасиловать...

– Да, это мой рассказ, – потупился Морковкин.

– Хороший рассказ. Острый, жесткий, жестокий. А главное, лаконичный. Никакой воды. Прямо под дых бьет. Вы талантливы. Вы – умница!

У Морковкина потемнело в глазах от восторга. А писатель продолжал:

– Я удивился, когда ему присудили первую премию. Вы ведь не приукрасили, вы обнажили то, что есть, но спрятано за парадными красивыми одеждами. Понимаю, времена меняются... приходится с этим считаться... Но вы молодец, что на такое решились! Уважаю. И еще. Сохраните этот ваш талант. Не погружайтесь в гадость натурализма и негатива. Соблазн велик – такое хорошо читают. Но жизнь другая. В ней больше хорошего.

Морковкин совета не слышал. В ушах звучала только похвала.

Дома он рассказал маме о встрече. Мама улыбалась – ее сын шел своей дорогой, и его путь имел ясные горизонты. «Надо вступить в члены Союза писателей и журналистов», – подумала она.

В девяностые перестали платить зарплату. Так случилось, редакции стали не нужны писатели и литсотрудники. В девяностые типографии попали в чужие руки и на продажу печатались бульварные романы, откровенная порнография, астрология и фальшивые мемуары. В этой ситуации Морковкин не стал сидеть на месте – он перешел на телевидение. Там порядка было тоже мало, но работа кипела и деньги платили. Аркадий умел увидеть сюжетное зерно, и благодаря этому его программы имели успех. Темы он выбирал разные, объединяло их одно – полное отрицание прошлого. Все, что случилось до девяностых, в сюжетах Аркадия имело стойкий черный цвет. Отчасти поэтому, отчасти из-за безусловного таланта Аркадия рейтинг передач рос, рекламодатели с удовольствием размещали рекламу. Именно в это время Морковкин заработал свои первые большие деньги. Мама поразовалась и посоветовала отложить их на черный день. Предварительно переведя в стабильную валюту.

– Знаешь, может, тебе имеет смысл уехать? Твои друзья, ровесники, давно обосновались в Америке. Подумай об

этом.

Морковкин думал. Более того, он даже узнавал, как это можно сделать. Выходило, что вариантов у Аркадия мало. Еврейских корней не имелось, родственников в Америке тоже. Ехать учиться не хотелось. Денег, чтобы просто перебраться и жить, не было. Рассуждая трезво и не надеясь на чудо, Морковкин делал карьеру на телевидении.

Однажды, вышагивая по длинному коридору «Останкино» Морковкин увидел девушку. Та была худая, под два метра ростом, с длинными светлыми волосами. На щеках играл румянец. «Как будто только что с лыжни!» – подумал Морковкин. Девушка действительно была воплощением здоровья и бодрости.

– Вы заблудились в наших «коридорах власти»? – подкатил к ней Аркадий.

– Уточним, в коридорах «четвертой власти», – улыбнулась девушка.

«Образованная», – подумал Аркадий и кинулся в бой. Ему не ответ ее понравился, а большие зеленые глаза в темных ресницах. Девушка была хороша необыкновенно, и Морковкин решил завоевать ее во что бы то ни стало.

Вера, а девушку звали именно так, потом вспоминала, что небольшого роста мужчина с удивительно синими глазами и бойкой речью сразу же завладел ее вниманием. Нет, он не был красавцем в обычном смысле слова. Но его манеры, то,

что он говорил, тембр его голоса, энергия – все это возымело действие. Уже через два часа они сидели в одном из буфетов «Останкино», и Морковкин рассказывал про свой новый фильм.

В день их встречи домой Аркадий вернулся поздно и отказался ужинать. Он сразу же ушел к себе, сославшись на усталость. Мама на минуту застыла с тарелкой в руках. На тарелке лежала утиная грудка – любимое блюдо сына. В своей комнате Аркадий, стараясь не шуметь, открыл шкаф и проинспектировал одежду. Выяснилось, что ничего приличного нет. Пара брюк, футболки, старый пиджак и бесформенный свитер. «Так дело не пойдет!» – подумал Аркадий и полез в портмоне. Впрочем, это он сделал для проформы. Он отлично знал, что у него наличности примерно пятьдесят долларов и тысяча рублями. Последний маленький гонорар они просидели с Верой в буфете.

– Мама, – с шумом появился Морковкин перед родительницей, – мама, где наши деньги? Вернее, где гонорары, которые я тебе отдавал?

Мама подобралась и приготовилась отразить атаку.

– Аркаша, все деньги в сохранности. Можешь проверить. Но их тратить нельзя!

– Что значит нельзя?! – остолбенел Морковкин.

– Это – на черный день! Меня не станет, никто о тебе не позаботится. А так у тебя денежка будет, женщину наймешь, она тебе и приготовит, и стирает...

– Мама! – Морковкин даже потерял дар речи.

– Да, да... – покивала мама, – даже и слышать ничего не хочу, и денег тебе не дам, нечего их по пустякам тратить... Не заметишь, как голым останешься. А кому ты такой нужен?!

– Мама, да я уже голый! Ты посмотри, в чем я хожу?! У меня же брюки обтрепались...

– Ничего не обтрепались, я аккуратно их ниточкой прихватила... А так они чистые, отутюженные...

– Мама, я работаю на телевидении. Ты представляешь, если кто-то узнает, что у известного журналиста Морковкина ниточкой прихвачены брюки?!

– Что такого! И вообще, не морочь голову, садись есть! Я целый день готовила тебе утку.

И тут любящий сын Морковкин взбунтовался.

– Мама, я не хочу есть. Я хочу взять заработанные деньги, поехать в магазин и купить себе нормальную одежду. Понимаешь, я не хочу ходить в пуховике, купленном на распродаже в издательстве «Книжная палата» в одна тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. Он потерял цвет, стал псивым.

– Нормальный пуховик. Зато теплый! – огрызнулась мама.

– Нет, он – старый. Ветхий, и я в нем унылый пень.

– Почему же пень? – растерялась мама. – Какой же ты пень?!

– Унылый, – перевел дух Морковкин и добил маму по-

следней фразой: – А еще я хочу купить машину!

Мама ойкнула и полезла искать ключ от древнего шифоньера, где держала семейные богатства и реликвии.

Деньги Морковкин получил. Пересчитав их, он расстроился. Денег было очень много. И получалось так, что жили они с мамой на ее пенсию. Потому что все деньги, которые он приносил, любящая мама откладывала. «Господи, какой же я мудака!» – обругал Аркадий себя и пошел на кухню мириться с мамой. Та, потеряв весь свой лоск и представительность, сидела на табуреточке у окна и плакала. Слезы капали в горшок с древним цветком алоэ.

– Мам, прости ты меня. Дурак я. Но правда, мне приодеться надо. Понимаешь, вокруг меня такие люди – представительные, хорошо одетые. Нет, не очень дорого, а просто хорошо. Мне бы тоже пора выглядеть солидно. А то скоро церемония награждения, а у меня бабочки нет и фрака тоже...

– Как?! – Мама забыла про слезы, – Как – церемония?! Тебя должны наградить?! Сыночек мой дорогой! Какой же ты у меня! И молчишь... Молчишь, мать только догадываться обо всем должна... А мне же так важно знать, что у тебя происходит!

– Мама, рано об этом говорить, но... намекнули... Поэтому...

– Почему сразу не сказал?!

– Да нет, мам, тут еще девушка одна есть...

– О господи, – маме показалось, что новости сегодня не

иссякнут.

– Хорошая девушка. Она тебе понравится.

Мама было поджала губы, потом опомнилась. Она помолчала, потом поднялась с табуретки, прошла по их малюсенькой кухне и спросила:

– Сколько же может стоять машина?

– Какая машина?

– Ну не стиральная же, – съязвила мама. Она, похоже, пришла в себя.

– Ну, «Фольксваген», например, не новый, подержанный, может стоять... – Морковкин махнул рукой, – ладно, мам. Проехали...

– Вот и ищи этот свой «Фольксваген». Ищи и покупай, – с этими словами мама полезла в кухонный стол, достала банку для кофе и вытащила оттуда стопку долларов. – Это все тебе. И на фрак с бабочкой хватит. И на твою машину хватит. И еще останется.

– Мама, что это за доллары? – с тревогой спросил Морковкин.

– Это от твоего отца. Он передал со знакомыми. Они в Москве были.

– От отца? И ты взяла?

– Знаешь, ему тоже плохо. Он там, а его сын – здесь. С возрастом понимаешь свои ошибки. Поэтому я взяла не ради тебя, а ради него.

– Ты его простила?

– Нет. Он бросил нас. Сложно простить такое. Но мы с ним стали старыми, и невозможно жить прошлым. Одним словом, поедешь как-нибудь в Австрию – навести его.

Морковкин взял доллары и почувствовал, что ему надо срочно выпить.

– Мам. – Он посмотрел на мать.

– Только с уткой. Закуска должна быть горячей.

Мать любила сына и знала его вплоть до интонаций.

Глава четвертая

Семья

Награду Морковкину вручили. Морковкин был в бархатном пиджаке и с черной бабочкой. В третьем ряду сидела очень нарядная мама, рядом Вера Шульц. Она быстро нашла общий язык с будущей свекровью. Помог, видимо, схожий характер. Вера была спокойна, упряма и отлично распознавала цели. В самом конце церемонии мама наклонилась к уху Веры:

– Ну и когда же свадьба?

– Не будет свадьбы, – не моргнув глазом отвечала Вера.

– Как это – не будет? Вы поссорились?

– Да нет. Мы просто не будем организовывать это дорогостоящее безумие.

Маму охватили сложные чувства. С одной стороны, такое важное событие в жизни единственного сына, с другой – потратить деньги на дикое количество еды, белое платье и дурацкие лимузины – это ли не глупость?!

– Умница, – мама похлопала Веру по руке, – умница. Ты моему Аркадию воли не давай. Он обожает транжирить деньги.

Вера Шульц про себя хмыкнула – по ее наблюдениям, Морковкин был весьма прижимист. Ну, если только речь не

шла о его потребностях и интересах.

Они поженились в феврале, а разъехались с мамой в апреле.

– Она будет тосковать, – заметила Вера. Со свекровью у нее сложились хорошие отношения.

– Ну знаешь... – пробурчал Морковкин, – либо мама, либо секс.

Вера слегка покраснела. Аркадий же сам переговорил с матерью, сам нашел квартиру, сам организовал переезд. Забегая вперед, надо сказать, что это был единственный в его жизни случай, когда он все сделал сам. В дальнейшем его удобство и комфорт обеспечивали женщины. Но в тот момент ему хотелось держать жизнь, как держит вожжи опытный возница. Крепко и цепко. Он был безумно влюблен в Веру. И чем больше становился их супружеский стаж, тем сильнее делалось его чувство. Он смотрел на худое обнаженное тело Веры, на золотистые волосы на ее тонких длинных руках, на ее худые ключицы, на лопатки, которые трогательно торчали, наконец, на светлые волосы, спускавшиеся на плечи и грудь, – от всего этого у него сносило крышу, и он впал в словесный натурализм.

– У тебя соски совсем светлые, маленькие. Ты сама еще ребенок. И твоя грудь похожа на аккуратный персик. И сладкая она такая же. Когда ты меня обнимаешь, мне кажется, что руки твои – стебли лилий. Прохладные стебли лилий...

Вера все это слушала, но почти никак не реагировала. Она

только уклонялась от неурочных и вульгарных ласк типа похлопывания по задку или попыток украдкой проникнуть рукой между ног.

– Мне это не нравится, – сказала она однажды, – мы не в постели. Мы на людях.

– Да плевать. – Аркадий самодовольно оглядывался. Он замечал, как смотрят на Веру. Он чувствовал себя богачом, царем... Одним словом, был на седьмом небе.

Их жизнь протекала спокойно – Вера работала дома, писала статьи в журналы и рекламные тексты. Зарабатывала она неплохо. Аркадий теперь брался за какую угодно работу, выезжал на любые съемки. Ему нужна была квартира. Съемное жилье съедало много денег, да и хотелось уже свой угол иметь. Они все чаще заговаривали о детях, но те пока не «случались». В чем (или в ком) проблема, они не задумывались.

Вера хозяйничала умело – она отлично готовила, образцово содержала дом. И был только один вопрос, в котором они не могли сойтись, – это чистота и порядок. Сказывались то ли Верины немецкие корни, то ли навыки, полученные в детстве, но самым большим огорчением для нее были вещи не на своих местах. Однажды Морковкин пришел с работы и не узнал дом. В прихожей он споткнулся о пару своих кроссовок, шарф и перчатки валялись на тумбочке, кипа бумаг рассыпалась веером на кухонном столе. Там же стояла грязная чашка. и ложка со следами сахара приклеилась к ска-

терти. В спальне Аркадий обнаружил свои несвежие трусы на полу, рядом валялись носки. Вера, как всегда, тщательно причесанная и одетая, работала за компьютером.

– А... что у нас? – поинтересовался Аркадий.

– А что у нас? – повернула голову Вера, и сердце Морковкина екнуло. Все-таки его жена была безумно хороша и сексуальна. Даже сейчас, даже среди всего этого разгрома она выглядела свежей и соблазнительной.

– Вера, я хочу тебя, пойдем... – проговорил Аркадий и сделал шаг в ее сторону. Но Вера покачала головой:

– Нет, ты не убрал за собой дом. Ты вообще за собой не убираешь. Ты не привык класть вещи на свои места. Ты неаккуратно ешь и бросаешь после себя остатки и грязную посуду. Я больше не буду убирать за тобой. Мне неприятно оставаться дома среди этой грязи. И потом... Я – не прислуга.

– А... – растерялся Морковкин. Ему казалось, что ничего особенно плохого он не делает. Он всегда так себя вел. И когда жил с мамой...

– Больше такого не будет. Ты должен за собой убирать. Или я уйду от тебя, – в голосе Веры появилась грусть.

– Ты? Уйдешь?! Вот из-за этого?! – не понял Аркадий. – Из-за этой ерунды?!

– Это не ерунда. Это дом. В нем живут. А если живут, должно быть аккуратно. Это не хлев.

– Знаешь, маме было совершенно несложно что-то убрать за мной. А ведь она пожилой человек.

– Знаешь, может, своему сыну я тоже буду готова что-то простить. Но с какой стати я должна это прощать мужу? Ты что – младенец? Ты здоровый мужик, который в состоянии за собой убрать. Я не жду от тебя ничего сверхъестественного, я прошу соблюдать нормы общежития. Мне неприятны твои трусы и носки, валяющиеся на полу.

– Ах, даже так...

– Аркадий, без драм. Научись быть аккуратным. Вот и все, – повернулась к компьютеру, надела очки, отчего стала еще милее и желаннее.

– Вера, я тебе обещаю, – пробормотал он, – а теперь пойдем в постель...

Вера с укоризной посмотрела на мужа, потом, видимо, кое-что вспомнила, покраснела и отправилась в спальню. За ней следом чуть ли не вприпрыжку проследовал Морковкин.

– Ты же меня не разлюбишь, да? – решил вдруг спросить он, когда они уже лежали рядом.

– Все будет зависеть от твоего поведения, – обстоятельно ответила Вера.

* * *

Мама Аркадия умерла через два года после их свадьбы. Занималась похоронами и провожала свекровь в последний путь Вера. Аркадий в этот момент был в окрестностях Хабаровска, там шли съемки цикла документальных фильмов.

Сообщить о случившемся удалось не сразу – подвела связь. Вера попросила руководство телеканала, где в тот момент работал муж, связаться с телевизионщиками Хабаровска. Ее просьбу выполнили, но, пока Аркадий добирался до Хабаровска, пока вылетел, пока сделал пересадку из-за нелетной погоды, маму похоронили. Он приехал, когда в его родной квартире было чисто убрано, на столе перед большой фотографией матери стояли пурпурные гвоздики. Морковкин прошел по дому, еще не осознавая, что произошло. Он смотрел на знакомые предметы и, казалось, не узнавал их. Казалось, в отсутствие матери они потеряли привычный вид.

– Завтра мы съездим на кладбище, – тихо сказала Вера. Морковкин оглянулся на нее, потом подошел, уткнулся ей в шею и заплакал. Вера гладила его по плечу и ничего не говорила. Понимала, что молчание здесь точно золото.

В квартиру матери они не переехали. Аркадию было это тяжело, Вера тоже не хотела касаться чужой жизни. Они ее сдали, а сами взяли кредит и купили маленькую квартиру в районе площади Гагарина. Место было хорошее – просторное, зеленое и близкое к центру. Пока они делали ремонт, бегали по магазинам и строительным рынкам, пока они выбирали мебель, пока они были заняты делом, казалось, наступил еще один медовый месяц. Морковкин с удовольствием вспоминал, как они занимались любовью на огромном матрасе, над головой висела лампочка на веревочке, а вокруг были голые стены. Они были счастливы, как в первые дни.

Была любовь, ласка, понимание. Но как только закрылась дверь за последним гостем на их новоселье, что-то переменилось. Ни он, ни она не могли толком понять, что именно. Что такого случилось, что этим двоим стало скучно? Что произошло с их любовью? Куда подевались тепло, интерес к делам друг друга, куда исчезло понимание?

Впрочем, и без понимания существует семья, которой не один год и которая объединила людей воспитанных. В конце концов, есть привязанность, сложившиеся традиции, привычка. Морковкин даже успокоился – их жизнь походила на жизнь всех их знакомых.

Однажды Аркадий пришел поздно вечером и сказал:

– Слушай, мне тут два мешка вяленой рыбы передали. Разной. Знаешь, мешки такие красивые, настоящий джут, мешковина. И зашиты толстой ниткой. И напечатано на них трафаретом. Типа колониальный товар. Я куплю пива. Разного. Давай гостей позовем?

Вера помолчала, а потом согласилась:

– Давай. Я Риту приглашу. Давно не могу с ней встретиться.

– Ох эта Ритка твоя, – вздохнул Морковкин.

Рита была из прошлого Веры, а это прошлое Морковкин не любил. Вернее, он его боялся. Молодая и очень красивая жена наверняка имела тайны. А Рита, как всякая подруга, вероятно, была в курсе и могла сбить Веру с пути. Такие мысли часто мелькали в голове Аркадия. Но сейчас он спорить

не стал.

– Конечно, зови. А я приглашу Носовых, Денисьева и Пилкина с его новой...

– У Пилкина новая девушка?! – удивилась Вера.

Пилкин был старый друг Морковкина. Ему не везло с дамами, а еще он все никак не мог вставить зубы. Свои собственные были здоровыми, но некрасивыми. Морковкин проводил беседы о гуманности современного протезирования. Пилкин слушал, но его клыки смотрели по-прежнему куда-то вверх. Надо сказать, это недостаток не влиял на частоту его знакомств с барышнями. Вот только продолжительность романов была минимальной.

– В чем дело? Почему так? – как-то поинтересовалась Вера.

– Они думают, что я у них в кармане. Что я сразу ручной... – ответил Пилкин.

– С чего ты взял?

– Они сразу меня к стоматологу толкают.

Вера развела руками.

«Пивную» вечеринку они готовили с давно забытым энтузиазмом. Вера нашла рецепты салатов специально для такого случая. Погнала Морковкина с длинным списком в магазин. Аркадий не сопротивлялся – он радовался, что жена так загорелась приемом гостей. Это как-то их объединило. Вечерами они вспоминали старых друзей, уже уехавших, разведенных. Эти семейные сплетни неожиданно наполнили ве-

вчера теплом. Морковкин попыхивал трубкой, Вера хлопотала, а разговоры и воспоминания не кончались.

В назначенный день в семь часов собрались гости. Все охали, пока Морковкин вспарывал мешок, потом обсуждали способы копчения и засолки рыбы, потом разливали пиво. Вера раздала салфетки, чехонь, воблу, леща чистили прямо руками. Через три часа народ был веселый, хмельной, и уже из рыбы вытаскивал только икру. Аркадий был в ударе – он шутил, читал стихи, по каждому поводу вспоминал историю из жизни. Вера рыбу почти не ела, пила немного и вполголоса разговаривала с Ритой. Морковкин удивился, как же не удастся беседовать приватно и вместе с тем участвовать в общем разговоре. А вот Рита пила много. Кто-то принес виски, бутылка стояла полная. Народ был грамотным – градус не понижал. Решили, что виски попробуют потом, когда дело дойдет до кофе. Но Рита, кокетливо улыбаясь Пилкину, сказала:

– Я хочу виски. Налей немного. Такая неделя была, стресс снять хочу.

Пилкин оторвался от новой пассии и щедро плеснул в стакан коричневой жидкости.

Рита справилась быстро. Глаза ее засияли, щеки покраснелись. Вера снисходительно на нее посмотрела:

– Подруга, давай я тебе салатика положу?

К салату Рита не притронулась. Она сидела, немного склоняя голову в сторону Веры. «Она симпатичная, но, по-мое-

му, бесноватая», – подумал тогда Аркадий. «Бесноватыми» Морковкин называл тех дам, которые быстро входили в раж – начинали безудержно кокетничать, задираться или изливать душу. Но блеск черных глаз Риты его задел.

Компания сидела долго. После пива с рыбой пили виски, кофе, Вера вынесла огромное блюдо с конфетами и маленькими пирожными. Народ разомлел, бесконечно вскрывал бутылки с минералкой. Засобирались все разом. Морковкин посмотрел на Веру. Та еле заметно кивнула, и Морковкин не стал настаивать, чтобы гости еще задержались.

– Аркадий, ты Ритку проводи, – тихо шепнула Вера, – перебрала она.

– Может, не надо? – спросил Морковкин с надеждой. – Я устал. Доберется. Я ее в такси посажу.

– Знаешь, ты с ней на такси поезжай. Я ее знаю, в таком состоянии чудить начнет.

Рита много выпила, но держалась хорошо. Она, застегивая плащ, приставала к Пилкину с вопросом: «Почему современное телевидение не учитывает интересы сексуальных меньшинств?» Пилкин что-то отвечал, девушка Пилкина пыталась его перебить, а Рита, лучезарно улыбаясь, называла ее «девонькой» и «занудой». Состояние Риты можно было определить только по ее речи – в ней встречались скабрезности.

– Рита, я твой кавалер на сегодня, – Морковкин оттащил ее от Пилкина и его девушки.

Они спустились на лифте. Причем, как только закрылись двери, Рита прильнула к Морковкину.

– Ты такой горячий колобок! – хихикнула она, а Аркадий неожиданно покраснел и почувствовал, что его бросило в жар. «Так, похоже, я тоже перепил», – подумал он. На улице они сели в машину, которую вызвала Вера. Рита назвала адрес.

– Ты со мной, колобок? – удивилась она, словно не видела, как Аркадий садился в машину.

– Нет, я выйду на следующей остановке, – пошутил Морковкин.

Он как-то не мог собраться с мыслями. Подруга жены явно была пьяной, а ее поведение становилось неприличным.

– Слушай, давай заедем в магазин, – сказала Рита и тут же скомандовала водителю: – Тормози.

Тот от неожиданности вздрогнул, затормозил, Рита выскочила, Морковкин не успел даже оглянуться.

– Я с дамой выйду, прослежу, – сказал Аркадий.

Водитель забеспокоился:

– Как так? А если...

– Да брось, мне ее домой надо проводить. Подруга жены.

Водитель, похоже, не поверил. Пока они препирались, показалась Рита, в руках ее был пакет.

– Вот, – она плюхнулась на сиденье, – бухлишко есть. А в холодильнике баранинка жареная...

– Вот и прекрасно, тебе надо поесть. Но пить больше не

стоит.

– Ладно тебе, я еще столько же могу выпить, – рассмеялась Рита, и Морковкину показалось, что это был смех почти трезвой женщины.

Наконец они остановились у шестнадцатизэтажной башни. Морковкин расплатился. Рита пыталась торговаться, доказывая, что таксист берет много денег. Морковкин почти выволок ее из машины.

Морковкин, поддерживая Риту под локоть, открыл дверь подъезда, дальше был холл и лифт. «Э, не хочу я с ней в лифте ехать!» – подумал Морковкин и тут же вошел в зеркальную кабину.

– Жми на пятый, – скомандовала Рита, ища ключи в сумочке.

Квартира Риты была маленькой и симпатичной. Это было жилище хозяйственной, аккуратной, любящей незамысловатый уют женщины. Маленькие подушечки, цветы, статуэтки. Был яркий коврик для обуви в прихожей, вешалка с большой шляпой и сухая пальмовая ветвь, воткнутая в подставку для зонтов.

– Из Египта небось, – сказал Аркадий.

– Да, – подтвердила Рита и удивилась: – А у вас такой разве нет? Каждый уважающий себя турист везет пальмовую ветвь, новодельный папирус и финики с фисташками.

– Мы не ездим по сомнительным странам, – пробубнил Аркадий.

– А по каким ездите?

– Я не люблю за границу.

– А, – кивнула Рита, – хотя и не понимаю тебя.

Морковкин разглядывал квартиру и удивлялся. Женщина, которую он провожал, и хозяйка такой квартиры не могли быть одним и тем же лицом.

– Знаешь, я так пить хочу – рыбу же ели, – сказала Рита.

Она тем временем сняла туфли, аккуратно поставила их на коврик и прошла на кухню. Послышался звон стекла. Морковкин понял, что сейчас умрет от жажды. Он снял обувь и прошел на кухню.

– Налей и мне.

– Конечно, – Рита подала ему стакан и добавила: – Давай чаю попьем. С калиной. Говорят, помогает.

Морковкин замялся, потом махнул рукой:

– Давай. Вот только Вере позвоню.

Он вышел в прихожую. Вера ответила сонным голосом.

– Доставил. Скоро буду. Ну дает твоя подруга...

– Я сплю, – пробормотала Вера, и телефон отключился.

Морковкин вернулся на кухню, там шумел чайник, на столе стояли чашки. Варенье из калины красным янтарем светилось в толстой хрустальной вазочке. Лежали салфетки, ложечка красивая, в сухарнице – обыкновенные сушки с маком. Аркадий удивился, как они аппетитно выглядели. «Парадокс. Человек ел вкусную рыбу, деликатесный салат, пил кофе с пирожными, а слюнки глотает от сушек и варе-

нья?!» – подумал он.

– Здорово! – Морковкин отхлебнул крепкий горячий чай. Положил в рот терпкого варенья. Потом хрустнул сушкой. Пресное тесто показалось слаще бисквита. Давно Морковкин не испытывал такого удовольствия.

– Чем проще, тем лучше. Если бы у меня был герб, то на нем был бы начертан этот девиз, – сказала Рита. Голос был почти трезвым. Морковкин так наслаждался чаем и покоем, что перестал обращать внимание на детали. А те были многоговорящими. Рита умудрилась быстро переодеться в простой халатик. Морковкин это заметил, но удивило только то, что он сто лет не видел обычного ситцевого халата. Его мама когда-то давно дома в таких ходила. Обычный, в голубой мелкий цветочек, с пояском, карманами и отложным воротничком. Вера в доме ходила в легких брюках и футболке. Или надевала джинсы. Она всегда была подтянута, собрана, хоть сейчас на улицу выходи в таком виде. А Рита выглядела домашней, ласковой, с этакой ленцой. Морковкин кашлянул и поинтересовался:

– Вы же с Верой учились вместе?

– Да, в школе. Как принято говорить, за одной партой сидели, – улыбнулась Рита. Она тоже хрустела сушками – громко, не стесняясь, не жеманничая.

– Ну, это братство на всю жизнь, – проговорил Морковкин, вспоминая свою школу, где отношения у него с ребятами не складывались.

– Да, столько безобразничали... Ты даже представить себе не можешь!

– Вера?! Безобразничала?!

– А что? Не можешь себе представить? – рассмеялась Рита.

– Не могу. Вот тебя – могу. Ее – нет.

– Она круче меня была тогда в этом смысле.

Морковкин покачал головой. Мол, не верю.

Рита поднялась за чайником:

– Тебе подлить горячего?

– Да, – ответил Аркадий.

Он уже не хотел пить, но уходить не тянуло. Дома его ждала уборка, посуда, которую надо запихивать в посудомойку, мусор, который следует вынести, и... запах рыбы.

– Слушай, а как ты моешь посуду, – вдруг спросил Аркадий, – у тебя нет посудомоечной машины?

– Я мою ее руками, – улыбнулась Рита, – чашку за собой не так сложно помыть. А гостей у меня не бывает.

– А я? – растерялся Аркадий.

– Ты – исключение. И, считаю, по этому поводу надо выпить.

С этими словами Рита достала из шкафа бутылку.

– Рита! Опять виски?!

– Нет, это не виски. Это – амброзия.

– Ты любишь крепкие напитки?

– Да, а курю «Кэмел».

– Ты такая женственная, и такие пристрастия...

– Играю на контрасте, – рассмеялась Рита. Она поменяла позу – подогнула ногу и села так на стуле. Халатик распахнулся, и у Морковкина зашумело в голове. От этой женщины пахнуло его же молодостью. Когда гостей принимали на кухне, угощение было простым, мамы, сестры и подруги носили ситцевые халатики, которые могли быть и рабочей робой, и соблазнительным одеянием. Аркадий залпом выпил виски и налил им еще.

– Рита, – спросил он хриплым голосом, – почему ты назвала меня «колобком»?

– Тебя не удивляет, что я тебя назвала «горячим»?

– Нет, – тут Морковкин даже подбоченился, – но колобком – это обидно.

– Брось. Ты маленького роста, с животом. Ты носишь эту кепку дурацкую, которая довершает твой круглый образ. Я сказала правду. Но, видишь ли, – тут Рита наклонилась к нему, ее халатик распахнулся еще больше, – такие, как ты, всегда очень сексуальны.

Морковкин протянул руку и положил ладонь на грудь Риты. Поза была некомфортной, но момент – очень удобным.

– Пойдем, – сказала Рита. Она взяла Морковкина за руку и отвела его в спальню.

Та была словно из тех же времен – диван, выполнявший роль кровати с розовым стеганым покрывалом.

– Слушай... – Аркадий сделал попытку отступить. Рита

прижалась к нему, положила руку на пах и прошептала:

– Ванная – вторая дверь в прихожей, полотенце голубое – свежее. Я жду тебя.

Морковкин вышел из спальни. В прихожей он остановился. Сейчас у него еще был шанс оставить все как есть. Но, топтавшись, он открыл вторую дверь, увидел квадратный розовый кафель, голубое полотенце и словно переместился во времени. Ему показалось, что он студент и украдкой встречается с однокурсницей у нее дома. Они боятся, что скоро придут родители, а потому надо спешить.

«Надо спешить», – пробормотал Аркадий и вошел в ванную.

Сказать, что это был угар и помутнение рассудка, – это ничего не сказать. Морковкин даже представить не мог, что он может вызвать такую страсть. Каждое их сближение превращалось в бешеную схватку, а оторвавшись друг от друга, они ощущали себя как в бане.

– Слушай, что это? – спросил Морковкин в перерыве.

– Это – секс, – задыхаясь, отвечала Рита, – это потрясающий секс. У меня такого давно не было. Я чувствовала, что ты такой. Понимаешь, как только тебя увидела, так сразу поняла.

– Да, – озадаченно произнес Морковкин. Каждое подобное признание Риты, казалось, привязывало его больше и больше. Не давало возможности оторваться от нее. А еще нельзя было оторваться от полной шеи, завитков волос,

крупной груди с темными сосками и крутых широких бедер. При этом Рита казалась (и была) худой. С плоским животом и тонкими ногами. Это был такой контраст с Верой, что Морковкин потерял голову. И страсть, с которой Рита занималась любовью, передавалась ему. Рита, не таясь и не стесняясь, получала удовольствие от смены поз, от запретных ласк, от непристойных слов. Она притащила какие-то порнографические журналы, они вместе их рассматривали, потом отбрасывали в сторону и терзали друг друга, пытаясь повторить увиденное. Рита вслух подсказывала ему, что надо делать, а потом теряла голову, заражая его своей животной страстью.

Шторы в спальне задернули, но оставили открытым окно. В комнате было свежо, звуки улицы доносились, как доносится гул моря. Ни Морковкин, ни Рита не реагировали на перемену дня и ночи. Они что-то ели в постели, уже вторая бутылка виски стояла прямо здесь, у дивана. Но она была почти полной. Им не требовался допинг – они распробовали друг друга и оторваться не могли. И только телефонный звонок образумил их. Звонил Денисьев на городской телефон Риты. Она сняла трубку.

– Морковкин пропал, – сообщил ей Денисьев, – его телефон отключен.

– Не пропал, – ответила Рита.

– Бл... – выругался Денисьев, – вы даете! Там Вера психует.

– Скажи ей, что он жив-здоров, – сказала Рита и повесила трубку.

– Что там? – Морковкин уже все понял.

Его обуял страх. Он и раньше понимал, что надо сказать Вере, где он, но невозможно было это все прекратить.

– «Все больницы и морги обзвонила», – цинично ответила Рита.

– Зря ты так... – поморщился Аркадий.

– Нет, не зря. Если бы она дорожила тобой, не отпустила бы тебя со мной. Сама бы поехала. Она меня хорошо знает.

– То есть такие «заходы» – это для тебя норма? – усмехнулся Аркадий.

– Ну, не часто, конечно, но да, бывает, – просто ответила Рита.

– Да уж!

– В смысле? – искренне удивилась Рита. – Ты удивлен? А что, женщинам секс не нужен? Если хочешь знать, этот формат – три дня в постели – для меня самый подходящий. Партнеров, способных бежать длинную дистанцию, малоვა-то. Это – проблема. Но я тебя вычислила. У меня чутье.

Морковкин даже растерялся. Его вычислили, стреножили, привели, использовали. «Но я тоже получил удовольствие», – подумал он. Это было правдой, только осадок остался. К тому же предстоял разговор или даже скандал с Верой. Морковкин гнал от себя мысль, что история может закончиться разводом.

Домой он поехал на метро, хотя следовало бы взять такси. Во-первых, гудели ноги – двое с половиной суток занятий сексом давали о себе знать. Во-вторых, лучше было бы поспешить. Морковкин знал, что в такой ситуации и пятнадцать минут имеют значение. Но Аркадию надо было придумать слова, которые он скажет, когда войдет в дом. По его разумению, самым главным было вступление. На его беду, ничего путного в голову не приходило. Все казалось такой непроходимой ложью, что самому было стыдно. Когда он поднялся на этаж, почувствовал, что у него дрожат руки. Открыв ключом дверь, он вошел в прихожую и произнес:

– Вера, прости, напился в зюю. Эта твоя Ритка подсунула коньяк. А он паленый оказался, мы с тобой такого не пьем. Я сначала не понял, а потом как шибанет меня. Думал, сердце... испугался. Ритка хотела даже «Скорую» вызвать. Но потом заснул. Понимаешь, лекарств же нельзя. Спиртное же пил. Над унитазом просидел. Перепачкал ей все там! Стыдоба, да сама эта твоя Ритка виновата!

Все это Морковкин произнес на одной заунывной ноте. Ответа не последовало. Морковкин скинул ботинки, прошлепал в комнату. Вера сидела за компьютером в наушниках. Она что-то печатала, покачивая головой. Видимо, в такт музыке. Морковкин растерялся. «Интересно, она слышала, что я сказал?! Нет, вряд ли. У нее музыка в наушниках всегда орет», – пронеслось у него в голове. Аркадий стоял по-

среди комнаты и гадал, как ему поступить. «Притворяется? Делает вид, что не заметила меня? Нет, она не знала, когда я приду! Специально так равнодушие не сыграешь!» – продолжал он. Морковкин кашлянул и прокричал:

– Вера, Вера!

Она оглянулась на него, сняла наушники.

– А, это ты? – спросила она и тут же добавила: – Я котлеты сделала. Если хочешь – в холодильнике. Мне надо закончить работу.

Она опять надела наушники. Морковкин совсем потерялся. «И? Что, не будет скандала? А, потом... потом все припомнит!» – решил он и попытался разозлиться на жену. «Да, это не равнодушие! Это хитрость и коварство! Потом начнет выяснять все, и будут упреки, слезы, даже пощечину даст! – думал Аркадий. – Да, точно! Обычная тупая женская хитрость. Подпустить поближе и вцепиться. Когда ты подумаешь, что все позади, она устроит истерику!» Он прошел на кухню, открыл холодильник, прямо немытой рукой ухватил котлету и съел ее на ходу. Пальцы он вытер о белоснежное полотенце, которое висело рядом. Прodelал он это с какой-то злобой. Раздевшись, он вещи свои не убрал, а разбросал по комнате. Не умывшись, завалился спать. Проснулся поздно. Вера все так же работала. Она по-прежнему была в наушниках. Словно спряталась в музыке от мира и мужа.

– Я есть хочу, – объявил Аркадий. Он не знал как себя вести, поэтому был трусливо-агрессивен.

Вера повернулась к нему:

– Аркаша, там все есть. И суп, и котлеты, и салат. А в шкафу берлинские пирожные. Свежие. Я купила вчера.

При слове «вчера» Морковкин покраснел и разозлился еще больше. Он вспомнил Риту. «Фу, непристойность!» – шевельнулась в нем гадливость. Мир потерял гармонию для него. Утратил стройность и чистоту. Была противна вчерашняя любовница, была неприятна жена с ее спокойствием и доброжелательностью.

– Слушай! Чего ты тут изображаешь?! Можно подумать, тебе все равно?!

– Ты о чем? – изумилась Вера.

– Как о чем? – опешил Морковкин.

– Ты чего такой вздрюченный? Твой Носов устроил драку с женой, перебаламутил всех, а кричишь ты на меня?! – возмутилась Вера.

– А?! Носов!

– Ну не я же! – Вера пожала плечами и приготовилась опять нацепить наушники. – Я понимаю, что твой Носов еще тот подарок. Но я же не виновата, что твой друг не умеет пить. Я так думаю, что ему вообще нельзя это делать. Есть такая категория людей. Но это же не скажешь его жене. Вот из-за него все имеют головную боль. Ты, который его усмирял, Денисьев, который врача искал. Тебе пришлось хуже всех – охранял его жену и детей! Конечно, надо было помочь Носовым. Но поговорить с ним имеет смысл. Иначе зачем

тогда дружить. Кстати, я обратила внимание, что за столом у нас больше всего пили Ритка и он, твой Носов. Алкоголизм подкрадывается незаметно. Так врачи говорят.

«Либо она святая, либо дура! Либо прекрасная актриса!» – подумал изумленный Аркадий. Он прошел в ванную комнату и позвонил Денисьеву.

– Ты что Вере моей сказал? Где я был?

– Я сказал, что тебе позвонила Лена Носова. Что Носов нажрался чего-то, ты проводил Риту и срочно поехал к ним. Сторожил их семейство, чтобы Носов не убил никого спяну. А телефон разрядился, и вообще они еще на даче живут, там связи никакой. Мне СМС Лена Носова прислала.

– А предупредить меня мог?! – гаркнул Морковкин.

– А в глаз хочешь?! – отреагировал Денисьев. – Твою шкуру спасаю, ты еще тут гавкаешь! Жену твою пожалел. Ты не стоишь ее.

– Ладно, ладно. Спасибо. Но разберемся без тебя, – сбавил обороты Морковкин.

– Да кто бы сомневался!

– Я все понял, понял. – Морковкин постарался говорить спокойнее. Он подозревал, что Вера Денисьеву очень нравится.

Эта история ушла в прошлое. Вера, казалось, ни на минуту не усомнилась в «легенде». Оставалась милой, спокойной. Ушла с головой в работу – ей предложили место в журнале, и

теперь она уезжала рано утром, возвращалась поздно. Много не рассказывала, но Морковкин видел, что она устает. Аркадий Риту не забыл. Не в смысле похоти, а в смысле опасности. Про себя называл ее «бесноватой». Ему казалось, что она обязательно все расскажет Вере. Но время шло, подруги иногда болтали по телефону, а разоблачения не случалось. Наконец Морковкин успокоился. Казалось, он сам поверил, что спасал Лену Носову от буйного и пьяного мужа.

Глава пятая

Развод

Работа не повлияла на Веру – в доме было чисто, аккуратно, вещи находились на своих местах. Только намного чаще она делала замечания мужу. Морковкин не избавился от привычки раскидывать вещи по всей квартире. Однажды между ними случился скандал. Самый настоящий – Вера кричала и швыряла вещи, обнаруженные ею во всех углах дома. Обычно она молча все убирала или тихо просила сделать это Морковкина. В тот день все было иначе.

– Это что такое?! Я терпеливо ждала, что ты сам все уберешь! А ты ждал меня? Сколько можно за тобой грязь вывозить!

Морковкин даже онемел – так Вера никогда не разговаривала.

– Ну, что ты сердишься. Я уберу! Верочка! – Аркадий вдруг испугался, что жена узнала про Риту.

Жена посмотрела на него, прошла на кухню, сварила себе кофе и села работать. Спать она легла, когда Аркадий видел третий сон. С этого дня в их жизни наступили перемены. Морковкин наблюдал за Верой и удивлялся – жена стала резкой, прямолинейной, безапелляционной. Это касалось всех вопросов: уборки дома, покупки продуктов, рабочих момен-

тов. Морковкин теперь даже опасался ей рассказывать, что у него происходит. Он только удивлялся, куда исчезла снисходительность – этот спасательный круг многих семей со стажем. Сторонний наблюдатель удивился бы той неприязни, той агрессии, которая сквозила теперь в их репликах. Их дом превратился в драматическую сцену, где разыгрывался спектакль «Кто кого!», поскольку Морковкин стал отвечать Вере тем же. Эти двое словно задались целью как можно больнее задеть друг друга, поймать на ошибке или оплошности. Иногда Аркадий удивлялся Вере. «Куда делось ее спокойствие? Ее выдержка?» – думал он, наблюдая за женой. С лица Веры не сходило выражение некой брезгливости и раздражения. Что бы ни сказал муж, что бы он ни предложил, все вызывало только негативную реакцию.

Однажды после одного совершенно дурацкого спора Морковкин спокойно и устало спросил Веру:

– Слушай, да что такое произошло? Откуда в тебе столько злости? Что я тебе сделал?

Вера была готова к вопросу. Во всяком случае, она ответила сразу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.